

—

Ду Хэн взял кошелек и достал из него двадцать вэней, протягивая их Чжу-цзы:

— Держи, это твоя награда.

Ван Чжу-цзы принял деньги обеими руками и принялся пересчитывать их по одной монетке. С каждой новой монетой радость в его душе росла. Ему было всего двенадцать-тринадцать лет, он был младшим в семье. У его родных не было никакого особого ремесла, так что такому ребенку, как он, и подавно негде было заработать.

Разве что на Новый год родственники могли дать немного «денег на удачу», но это были сущие пустяки – восемь или десять вэней для приличия. И даже если эти деньги попадали к нему в руки, он не успевал им порадоваться: семье ведь тоже нужно было давать ответные подарки детям родственников, так что мать забирала его монетки еще до того, как они успевали согреться в кармане.

А теперь он отнес в уезд новогодние картины с иероглифом «Счастье» (Фу), которые нарисовал Ду Хэн. Каждая стоила двенадцать вэней, и он разом продал десять штук! Ду Хэн договорился с ним заранее: Чжу-цзы берет на себя продажу, а за каждую проданную картину получает по два вэня в качестве платы за труды. Поначалу это казалось мелочью, но когда продаешь много – сумма набегает приличная. Не только ребенок – многие взрослые согласились бы на такую работу.

Видя, что Ду Хэн сдержал обещание и выдал ему честно заработанные двадцать вэней, Чжу-цзы, спрятав свои собственные, тяжеленькие деньги, расплылся в улыбке и стал заискивать перед Ду Хэном еще больше.

— Брат Хэн, когда ты еще картины нарисуешь? — приставал он к нему. — Перед Новым годом в уезде народу тьма, можно много продать. Если бы сегодня у меня было больше десяти штук, я бы точно всех их сбыл – многие спрашивали, а товара-то и нет. Ты так хорошо владеешь каллиграфией и живописью, нельзя такому таланту пропадать зря!

Ду Хэн усмехнулся, убирая оставшиеся деньги:

— А ты мастер льстить.

— Вовсе нет!

Ван Чжу-цзы не учился в школе и не знал грамоты, так что любой человек, умеющий читать и писать, казался ему небожителем. Сегодня, когда он продавал картины, городские грамотеи разворачивали их и наперебой хвалили: мол, линии плавные, а почерк изящен и благороден. Если уж привередливые горожане так говорят – значит, дело стоящее.

— У меня в комнате готовы еще двенадцать штук, забери их.

Ду Хэн добавил:

— После Нового года их уже никто не купит, так что подзаработать можно только сейчас. Раз ты говоришь, что спрос есть, в следующий раз назови цену повыше.

Он немного подумал и сказал:

— Проси восемнадцать вэней за штуку. Если будут торговаться – уступай, но не продавай дешевле двенадцати вэней.

Ван Чжу-цзы закивал:

— Понял! Перед праздниками в уезде на всё цены растут, так что и наши картины могут подорожать, в этом нет ничего странного.

Ду Хэн, всё еще немного сомневаясь, спросил:

— Ты на целый день в уезд уходишь, неужто твоя семья тебя не ищет и не спрашивает, где ты?

— В двенадцатом месяце мне особо делать нечего, — ответил Чжу-цзы. — Отец, мать, братья и сестры – все заняты, а я что? Обычно я либо в горах, либо по деревне слоняюсь. Сегодня я взял у матери корзину яиц, сказал, что помогу ей продать. На самом деле яйца-то я продал, но картины – это было главное!

Ду Хэн с облегчением кивнул. Ван Чжу-цзы, хитро улыбаясь, подошел ближе:

— Брат Хэн, а ты брату Сяоманю об этом не рассказывал?

— Если бы я рассказал ему и про деньги, и про твою долю, он бы сам пошел их продавать.

Чжу-цзы тут же поспешил заверить в своей преданности:

— Я точно никому не скажу! Брат Сяомань такой свирепый, тебе, как его мужу, обязательно нужно иметь немного заначки на личные расходы, а то придется во всём ему подчиняться и голову склонять.

Ду Хэн о таком и не думал, у него были свои цели для накоплений.

— В следующий раз, как продашь картины, купи мне бумаги. Я до сих пор использую запасы покойного учителя Циня, а долги надо возвращать.

— Всё сделаю, — пообещал Чжу-цзы.

Они еще немного поговорили. Когда начало смеркаться, Ду Хэн велел Чжу-цзы забрать плошку свиной крови домой. А в сумерках вернулся и Цинь Сяомань с полной корзиной кипарисовых веток за спиной.

Вечером они доедали остатки обеда. В кухне стало зябко. Сяомань высунул голову в окно и прислушался к шороху во дворе.

— Дождь пошел?

Ду Хэн тоже услышал шум.

— Для дождя звук слишком звонкий, должно быть, снежная крупа, — Сяомань тут же отставил пиалу. — Пойду запру кур в курятнике.

Он выскочил во двор. Плиты уже были присыпаны мелкими белыми крупинками, похожими на дробленый рис, которые с сухим стуком отскакивали от земли. Куры, видимо, тоже испугались

этой колючей крупы и сами забились в угол. Сяоманю даже не пришлось их ловить – он просто закрыл засов. Слава богу, он не поленился и заранее убрал дрова, принесенные с горы, под навес за домом, иначе бы они промокли.

— И впрямь, крупа сыплет.

Сяомань услышал голос Ду Хэна и увидел, как тот, припрыгивая на одной ноге, добрался до порога кухни. В свете изнутри дома были видны летящие наискось белые зернышки.

— В этом году снег пошел раньше обычного, ужасно холодно.

Для Сяоманя снег не был чем-то диковинным. Для крестьян это беда: в холода люди могут замерзнуть насмерть. Это только богачи в городах могут сидеть у жаровни и любоваться снегопадом.

— Не прыгай ты так, лекарь Цуй сказал, что кости сейчас сростаются. Если нечаянно повредишь – криво срастутся!

Сяомань подошел и поддержал Ду Хэна. Он пробыл во дворе всего мгновение, но уже принес с собой холод, тогда как Ду Хэн был теплым и уютным. Заметив снежную крупу на плечах и голове Сяоманя, Ду Хэн осторожно стряхнул её рукой.

— Того и гляди, ночью настоящий снегопад начнется, — заговорил Сяомань. — Мороз будет крепкий. Одной жаровни на комнату может не хватить. А если ставить по две в каждую спальню – это уже четыре. Боюсь, того угля, что мы накопили от готовки, до весны не хватит.

Сяомань посмотрел на красивое лицо Ду Хэна. Тот прожил в его доме почти месяц и выглядел теперь куда лучше и благороднее, чем в тот день, когда Сяомань подобрал его.

— Ты сегодня снова ложись в моей комнате. Так нам хватит всего двух жаровен на двоих, как думаешь?

С тех пор как в дом пробралась кошка и Ду Хэн провел ночь в комнате Сяоманя, тот вкусил сладость. Но после той ночи Ду Хэн вернулся к себе. Сяомань всё думал, под каким бы предлогом снова заманить его к себе, но подходящего повода не было, а силой действовать он уже не решался.

Ду Хэн не успел ответить, как Сяомань уже повел его под руку в свою комнату. Эта комната была меньше той, где спал Ду Хэн, и к тому же примыкала к кухне, где недавно топился очаг, так что здесь действительно было теплее. Но из-за снега и здесь стало зябко.

Сяомань засуетился: поправлял постель, перетаскивал жаровню. Ду Хэну было неловко просто смотреть на эти хлопоты:

— Лекарь Цуй сказал, что нога заживает хорошо. После Нового года смогу ходить, как раз к весенней пахоте успею. Тебе не придется больше надрываться в одиночку.

Сяомань с улыбкой подал ему чашку горячей воды:

— Ты что, и землю пахать умеешь?

— Я понимаю в земледелии, — ответил Ду Хэн. — В следующем году мы сможем засеять все наши поля.

— Какой ты жадный до работы, — хоть Сяомань и ворчал, на душе у него было радостно. — А ты хоть знаешь, сколько у меня земли?

Ду Хэн улыбнулся, и эта улыбка была теплее огня в жаровне:

— Я всё помню.

Ночью по черепице крыши продолжала шуршать снежная крупа – шумно, но по-своему уютно. В комнате было тепло от углей. Ду Хэн, укутавшись в одеяло, не заметил, когда шум прекратился.

На следующее утро они проспали до рассвета. Должно быть, из-за тепла в комнате они проснулись на целый час позже обычного. В комнате было удивительно светло. Сяомань догадался, что ночью выпал снег. Он толкнул дверь в главную залу и ахнул: маленький каменный дворик был укрыт пушистым белым одеялом.

Всё вокруг было девственно белым. Тишину нарушал лишь щебет птиц, ищущих корм, да треск веток и бамбука, не выдержавших тяжести снега. Сяомань потер руки: снега выпало немало, наверняка в деревне у старых домов крыши не выдержали. Он решил после завтрака расчистить крышу и двор, как вдруг увидел входящего Цинь Сяочжу. На шее у него красовался кроличий воротник, а в руках была корзинка.

— Ты почему до сих пор двор не подмел? — Сяочжу недовольно нахмурился, оставляя глубокие следы в снегу. — Время-то уже сколько!

Сяоманю не хотелось с ним спорить, он лишь спросил:

— Что случилось?

— Моя мать сегодня принимает сваху. Дома нет свежего мяса, так что она просила одолжить немного свиных потрохов. Когда отец в следующий раз заколет свинью, вернем.

— Тебе уже сваху ищут?

Сяочжу смерил Сяоманя взглядом:

— У меня от свях отбоя нет! Это мать хочет найти жен моим братьям.

— А, — кивнул Сяомань. — Старшему или второму?

— Обоим.

Сяомань подумал, что так даже проще. Он зашел в дом и вынес свиное сердце и легкие – в это время года многие любили варить из них суп с сезонной редькой. Своих двоюродных братьев он любил, они всегда к нему хорошо относились, поэтому он искренне желал им найти хороших невест или гербов.

Сяочжу ждал Сяоманя в главной зале. Он вошел в дом, даже не отряхнув снег с туфель, и сразу увидел сидящего там Ду Хэна. Он бросил на него быстрый взгляд, тут же смущенно отвел глаза, а потом снова принялся украдкой его рассматривать. Ему показалось, что Ду Хэн стал еще краше, чем в их первую встречу. Вчера, когда кололи свинью, Сяочжу пришел только к самому обеду, быстро поел и ушел. Они сидели за разными столами, так что он почти не видел Ду Хэна.

Отец говорил, что ногу этого человека уже подлечили, и скоро он сможет ходить как прежде. Если так, то Сяомань отхватил себе настоящий клад.

— Выпей горячей воды, — Ду Хэн посмотрел на закутанного в теплую одежду гера. На вид он был ровесником Сяоманя, но пониже ростом, и внешне они были совершенно не похожи. С первого взгляда Ду Хэн понял, что этот гер куда более изнежен — он больше походил на тех юношей, которых Ду Хэн встречал в своей прошлой жизни в богатых домах.

Сяочжу принял чашку. У этого человека даже руки были красивыми — сразу видно, молодой господин. Он молча взял воду, думая про себя: неудивительно, что все мечтают выйти за ученого. Перед таким красивым как нефрит молодым господином, который к тому же так мягко говорит, кто устоит?

— Твой воротник из кролика? — спросил Ду Хэн.

Услышав вопрос, Сяочжу почувствовал, как сердце забилось чаще. Он слегка вздернул подбородок и коснулся мягкого меха на шее. Он столько ждал этого снега, чтобы наконец надеть обновку! Не зря он сегодня встал пораньше и прихорашивался.

— Да, отец купил его мне в тканевой лавке в уезде. Один такой несколько десятков вэней стоит!

Ду Хэн заметил торжествующее выражение на лице Сяочжу и подумал: вот так и должен выглядеть ребенок, которого любят и балуют родители.

— И впрямь выглядит неплохо.

Сяочжу довольно улынулся. Но тут же в его голову пришла мысль: а зачем он это говорит? Неужели я ему приглянулся? Пока он предавался этим льстивым думам, Ду Хэн добавил:

— Выпал снег, и я подумал, что хочу купить такой же для Сяоманя.

—

<http://bllate.org/book/14888/1327108>